

ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

§1. Человек как предмет междисциплинарного исследования: антропологический подход к проблеме.

В системе наук *антропологии* отведено место научного знания, призванного соединить собственно биологические основы существования человека, морфологию и физиологию, с изучением его последующего, уже исторического, этапа развития [162, 158]. Так, антропология получила определение науки, объектом изучения которой стало не только физическое строение человека и возникновение человеческих рас, но также и учение об антропогенезе, т.е. о происхождении и эволюции человека. Изучение биологических и социальных закономерностей антропогенеза в их соотношении и взаимодействии составляет методологическую базу любой системы знаний, в центре которой находится человек во всей совокупности его биологических и социальных характеристик.

Именно в этом ракурсе исследований получает свое место одна из новейших лингвистических дисциплин конца двадцатого столетия, лингвистическая антропология или антропологическая лингвистика. Уже самим фактом своего появления и последующего активного развития антропологическая лингвистика подтверждает чрезвычайно важную роль возникновения речи и языка не только как инструмента/средства коммуникации, но и способа человеческого мышления, что определило и стало решающим фактором эволюции планетарного масштаба.

Антропологические дисциплины (сравнительная анатомия, палеоантропология, эмбриология, мерология, здесь же соматология и др.) служат выяснению проблемы происхождения человека и его эволюции. Они также входят

в учение об антропогенезе, что непосредственно связано с методологией современной науки, философией, социологией, этнопсихологией, а также физиологией высшей нервной деятельности человека [37]. Это послужило основой для возникновения и последующего активного развития в двадцатом веке целого ряда смежных, лингвистических, в частности, дисциплин: социолингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, нейролингвистики и др. Таким образом, в рассмотрении вопросов о месте человека в природе (в животном мире) и отношении его как вида к другим приматам, о восстановлении этапов его эволюционного пути и исследовании роли труда в его происхождении, о выделении стадий в процессе человеческой эволюции и изучение формирования и последующего становления человека современного типа во всей полноте его морфологических, физиологических, психоэмоциональных и социальных, включая и собственно лингвистические, факторов развития, антропология выходит сегодня на передовые рубежи современного научного комплексного знания о человеке [18; 52; 68; 77; 89; 93; 103; 109]. Добавим, что антропология обладает мощным научным аппаратом и методологией исследований, что представляется перспективным в поиске ответа на так называемый *вечный* вопрос языкознания, вопрос о происхождении языка. Важность постановки и изучения этой проблемы трудно переоценить как для современного языкознания, так и для гуманитарного знания в целом.

Постараемся в кратком историческом очерке показать становление антропологии, что позволит, как мы полагаем, увидеть гуманитарный потенциал этой науки и её близость к проблематике современной лингвистики.

Ключевая роль в антропо- и социогенезе принадлежит естественному языку. Поэтому без учета этого фактора изучение человека будет неполным. Соотношение социального и биологического факторов в языке, проблема

соотношения языка и мышления человека, роль и место языка в антропосоциогенезе, отношения *язык и сознание*, *язык и культура*, *язык и общение*, естественный язык и невербальные средства коммуникации и другие более частные вопросы, – вот та лишь общая проблематика, которая фокусирует внимание на проблеме человека в единстве его биологических и социальных свойств.

Уже древние греки обогатили науку о человеке многими наблюдениями и идеями. Медицина, главным образом в лице Гиппократ (около 460 – 377 г.г. до нашей эры), осветила влияние климата и природы на заболевания и на физические особенности людей. Он же своим учением о соках в организме человека и 4 темпераментах предсказал те пути, по которым впоследствии пошли исследования физиологических различий между типами конституции и связей этих различий с морфологическими особенностями (габитусом) человека [32]. Другим источником накопления фактов, которые впоследствии вошли в антропологию, были наблюдения над разными народами, проделанные греческими путешественниками, в особенности Геродотом (5 век до н.э.). Наибольший вклад в антропологию был сделан натуралистами и философами, которые ещё до нашей эры обсуждали вопрос *о роли руки* в том положении, которое человек занимает в живой природе (Сократ, Анаксагор), о выживании в природе тех существ, строение которых гармонично, и о неминуемом исчезновении *уродливых* форм (Эмпедокл). Аристотель построил *лестницу животных*, расположив их по степени совершенства организации, и определил в этой системе известное место человека [109].

В эпоху Возрождения для развития антропологических знаний большое значение имел общий прогресс в развитии науки и резко возросший интерес к физической и духовной жизни человека. Огромный шаг вперёд был сделан в

изучении анатомии человека, благодаря трудам Везалия, Леонардо да Винчи и др. Некоторые из анатомов и художников уделяли большое внимание органам человеческого тела, разным типам телосложения. Так, немецкий художник А. Дюрер, например, написал специальный трактат о пропорциях человеческого тела «Четыре книги о пропорциях» (1528) [20].

Великие географические открытия 15 – 16 веков расширили горизонты антропологических познаний, познакомив, хотя и поверхностно, европейцев с расовыми типами народов Восточной Азии (путешествия Платона Карпини, Рубрика, Марко Поло), населения Америки (Х. Колумб), с народами Восточной Сибири (С. Дежнев), Огненной Земли и Океании (Ф. Магеллан). Особенно важным для антропологии было кругосветное путешествие Магеллана, так как оно показало несовместимость научных географических представлений того времени с библейской легендой о сотворении человека в «Святой земле».

Значительным событием в истории антропологии 17 века были первые описания анатомии антропоморфных обезьян (Э. Тайсон). В 18 веке были сделаны также первые более или менее серьезные попытки построить научные гипотезы о происхождении человека и его месте в природе: во Франции — Ж. Ламетри, Д. Дидро, К. Гельвеций, Ж. Бюффон, в Германии — И. Кант, в России — А. Н. Радищев [109].

Большое значение для антропологии имела деятельность шведского натуралиста Карла Линнея, который в труде «Система природы» (1735) выделил среди млекопитающих отряд приматов и подразделил его на четыре рода – *человек*, *обезьяна*, *лемур* и *летучая мышь*. Ему же принадлежит и термин *Homo sapiens* (Человек разумный). В 1746 году Карл Линней создает первую расовую классификацию, основанную на психосоматических и физиологических признаках. Внутри вида *Homo sapiens* им были выделены четыре расы, по числу известных

тогда континентов: Человек разумный *европейский* (*homo europaeus*, *homo albus* (человек белый)), а также Человек разумный *азиатский*, *африканский* и *американский*. Приведем эти данные в качестве иллюстрации.

1. *Americanus rufus* – американец: рыжеволос, холерик, держится прямо, упорен, самодоволен, подчиняется традиции.

2. *Europaeus albus* – европеец: блондин, сангвиник, мускулист, подвижен, остроумен, изобретателен, подчиняется закону.

3. *Asiaticus luridus* – азиат: желтолиц, меланхолик, гибок, жесток, скуп, любит роскошь, одевается в широкие одежды, подчиняется мнению общества.

4. *Afer niger* – африканец: чёрного цвета, флегматичен, вялого телосложения, хитер, равнодушен, малоподвижен, умащен жирами, подчиняется произволу [188].

Сегодня эти наблюдения не могут не вызвать улыбки. Однако, утратив научную ценность, они представляют интерес для истории становления научного знания о человеке. Для нас же эта классификация интересна тем, что в ней представлена первая попытка соединить в единый комплекс всю совокупность генотипических, фенотипических, психосоматических, а также социокультурных данных о видах *Homo sapiens*. Неслучайно, что в той части изучения рас, которые направлены на описание этногенеза, антропология ведёт исследования не только совместно с историей, археологией, но и с языкознанием.

Важнейшим событием в истории антропологии было утверждение в биологии эволюционного учения. Французский естествоиспытатель Ж. Ламарк и, в большей степени, Ч. Дарвин оказали огромное влияние на все разделы антропологии, в особенности на разработку вопроса о месте человека в органическом мире. Ламарк посвятил проблеме антропогенеза в «Философии зоологии» (1809) несколько страниц, а Ч. Дарвин – два больших труда: «Происхождение человека и половой отбор» (1871) и «Выражение эмоций у

человека и животных» (1872). Со временем интерес к наблюдениям Ч. Дарвина не пропал. Он активно цитируется представителями новейших лингвистических дисциплин, в частности, онтолингвистики, паралингвистики, лингвосемиотики, психо- и когнитивной лингвистики, в связи с обсуждением проблемы происхождения и развития естественного языка, взаимодействия вербальных и невербальных средств в речевом общении в онто- и филогенезе, изучением и описанием так называемых *языков жестов*, наконец, в связи с непрекращающимися попытками обучения животных (приматов) естественному языку или языку жестов [66].

Серединой 19 века датируется формирование антропологии как самостоятельной науки. Наибольшая заслуга здесь принадлежит французскому хирургу, анатому и антропологу П. Брока, основавшему в 1859 Парижское антропологическое общество, в программу которого входило изучение биологии человеческого рода в связи с его культурой. Именно исследования П. Брока легли в основу современной нейролингвистики, экспериментально подтвердив наличие специфически речевых зон коры полушарий головного мозга человека [109].

Вскоре после основания антропологического общества в Париже были организованы Лаборатория для антропологических исследований (1868) и Школа антропологии (1875). Вслед за Францией приступили к организации антропологических учреждений и в других странах — в Лондоне (1863), в Москве (1864), в Мадриде (1865), во Флоренции (1868), в Берлине (1869), в Вене (1870) и др. [109].

Возникновение этих школ и общий интерес к изучению этносов были связаны с исторической обстановкой того времени. 19 век характеризовался расцветом колониальной экспансии. Общественное мнение в Европе и США было обращено к обострившемуся национальному вопросу (Италия, Эльзас и

Лотарингия, Ирландия, гражданская война между Северными и Южными штатами США (1861 – 1865). Начало современной социолингвистике в вопросах языковой политики, правовых норм, регулирующих место языков так называемых *малых народов* и языков так называемых *титულных наций*, было положено в Европе и Северной Америке уже в то время.

Для второй половины девятнадцатого и начала двадцатого века характерно стремление синтезировать две важные области антропологического знания – теорию антропогенеза и учение о расах. Отсутствие диалектического понимания процесса эволюции человека при этом нередко вело к ложному представлению о современных расах, как якобы находящихся на разных стадиях прогрессивного развития человечества. В связи с этим будет уместно отметить, что научная антропология борется с реакционными расовыми теориями, такими, в частности, которые положили начало фашизму в Европе середины 20 века. Именно расизм лег в основу государственной идеологии гитлеровской Германии и принёс неисчислимые бедствия человечеству. Однако и сейчас расистские теории продолжают распространяться в отдельных странах и на разных континентах. Популяризация данных научной антропологии может, как представляется, приостановить распространение этих опасных социальных течений, проявив тем самым гуманистический потенциал этой области знаний.

Антропология в России зародилась в начале 18 века практически одновременно с европейской. Основанная Петром I Кунсткамера стала колыбелью музейного дела в России, сделав свой вклад и в учение о человеке, его анатомию и физиологию. В 18 веке была организована Великая Северная экспедиция (1733 – 1743), причём в инструкции, которую составил участник экспедиции Г. Ф. Миллер, была подробно разработана антропологическая программа. Ценные антропологические сведения о народах Сибири и Дальнего Востока были собраны

С. П. Крашенинниковым (1755), а также участниками академической экспедиции под руководством П. П. Палласа (1768 – 1774). В начале 19 века русские мореплаватели и исследователи проделали более 30 кругосветных путешествий, которые обогатили науку этнографическими и антропологическими сведениями о многих народах мира [75]. Эти данные стали предметом изучения целого ряда наук, в том числе и лингвистики.

Осмыслением проблемы места человека в природе стал трактат А. Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанный в 1792 – 96 в Илимской ссылке. В 19 веке выдающееся значение имели антропологические работы К. М. Бэра, пополнившего краниологические коллекции анатомического кабинета Петербургской АН, много сделавшего для обоснования генетического родства в происхождении человеческих рас. Большую роль в развитии антропологии в России сыграл Н. Г. Чернышевский, обосновавший идею о том, что различия в культуре народов возникли вследствие разных исторических судеб народов, а не их расовой принадлежности. Важное место занимает в истории отечественной антропологии вклад Н. Н. Миклухо-Маклая. Это исследования расового состава и культуры папуасов и других народов Океании. Ему принадлежит первенство в обосновании в отечественной антропологии идеи равенства человеческих рас [75].

Основателем антропологической школы в Московском университете был профессор зоологии А. П. Богданов. В 1864 им был основан Антропологический отдел общества любителей естествознания, ставший центром расовых и других антропологических исследований. Преемником Богданова был Д. Н. Анучин, соединивший в своих исследованиях антропологию, этнографию, археологию и географию. В 1919 году он, при содействии В. В. Бунака, основал в Московском университете кафедру антропологии, а в 1922 году – Институт антропологии [75].

В советский период был накоплен и обобщён обширный антропологический материал. В области антропогенеза изучалась сравнительная анатомия разных органов человека и обезьян. Были выяснены основные направления развития мозга приматов и специфические черты строения мозга человека в связи с формированием его трудовой и речевой деятельности (Ю. Г. Шевченко и др.). Ряд исследований посвящен эволюции и строению руки (Е. И. Данилова). Изучались соотношения онтогенеза человека и его филогенеза, причём подтверждены применительно к антропологическому материалу основные положения теории филэмбриогенеза А. Н. Северцова [75]. Эти и многие другие данные антропологии значительно обогатили гуманитарные науки, позволяя корректировать общую методологию исследований человека.

Как видим, именно в русле антропологических наблюдений формировались ключевые направления современных лингвистических исследований, предметом изучения которых стала проблематика неразрывной связи человека и его языка, языка и мышления, языка и сознания, языка и культуры.

Попытка междисциплинарного, лингвоантропологического, подхода к описанию человека представлена и в данной работе. В основе этого подхода лежат данные *соматологии*. *Соматология* входит в состав антропологических дисциплин и изучает общие биологические и социальные закономерности формирования и функционирования организма человека в целом (гендерные особенности строения тела, возрастные изменения его размеров и пропорций, нормы физического развития и темпы роста, конституцию человека и т.п.) [37]. С учетом соматологических данных в психолингвистике активно обсуждается сегодня роль телесности человека, его *телесной карты*, в формировании его речевой деятельности, языка, сознания и мышления. В данной работе предпринимается попытка построения и сравнительного описания так называемых

соматологических карт человека. Лингвистическая трактовка этого понятия будет дана в следующей части работы.

§2. Антропологическая лингвистика в представлении человека.

Во второй половине прошлого столетия в лингвистике наметился переход от системоцентричной парадигмы описания языковых явлений, от изучения языка *в себе*, к языку в его функционировании. В отечественной лингвистике этот интерес реализовался в рамках так называемого *функционального, функционально-прагматического подхода*. Появились новые лингвистические дисциплины, предметом исследования которых стали пограничные области знаний целого ряда наук: социологии, психологии, этнографии, культурологии, семиотики и др. Появились и новые научные дисциплины: социо- и психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, паралингвистика и др. Таким образом, наука о языке определила своё место в системе знания о человеке, а научное описание феномена человека было дополнено лингвистическими данными. Естественным образом расширился и терминологический аппарат лингвистических исследований, причем расширение количественного состава новых терминов нередко опережало чистоту и точность их употребления. Так случилось с целым рядом терминов новейших лингвистических направлений.

Термин *корпоральная семантика* (от лат. *corpus* – корпус, тело человека) появляется в литературе с конца 20 века все чаще и чаще, обретая по мере своего употребления все более размытые очертания. В одних работах его содержание увязывается с так называемой *наивной анатомией*, т.е. с отображением в языке, в значениях слов, различных органов человеческого тела, их функций и т.п. Другие исследования нацелены на выявление аксиологических особенностей толкования соматизмов в разных лингвокультурных общностях в фокусе семантических

оппозиций *своё – чужое*. Наконец, анализируются состав и структура обширных семантических полей, связанных с телом человека и его функционированием. По мнению А. А. Залевской, термин *корпоральная семантика* в своём содержании значительно глубже, нежели это может быть раскрыто в тех направлениях (а представлены далеко не все), которые были перечислены. По её мнению, появление этого термина в лингвистике «сигнализирует о новом витке в развитии теории языка», вновь делая предметом дискуссии как вопросы, ранее считавшиеся решенными, так и вопросы неразрешимые, получившие статус «вечных». Это вопросы о соотношении вербальных и невербальных знаковых систем, о соотношении языковых и энциклопедических знаний человека, о природе понимания людьми друг друга и многие другие [43, 245].

Появление рассматриваемого термина связано с осознанием того, что функционирование языка тесно связано с психикой человека, и отрыв одного от другого подобно отрыву *души от тела*. Последнее же всегда остаётся реальным, действующим, базовым конструктом пусть даже в самых абстрагированных *полетах мысли*, на что указывает вторая часть термина (ср.: *corpus + real*), предполагается, что языковые абстракции производны, или выводимы, из телесной реальности. Таким образом, и это подтверждается в исследованиях зарубежных лингвистов [43, 246], от «завышенных оценок роли «языковых дефиниций» в языке», от попыток «решения всех вопросов о языке в терминах языковых (или синтаксических) отношений» наметился «поворот к телу», восстанавливающий роль тела как базового конструкта языковой коммуникации. При этом реальная роль тела никогда не утрачивалась, а лишь игнорировалась в теоретических исследованиях [43, 246].

По данным словарных определений психика является формой активного отражения субъектом существующих во времени и пространстве объектов

реальности. Под *активным отражением* следует понимать тот факт, что психика не просто отзеркаливает реальность, как часто говорят, *отражает* её, но и специфически её *преображает*, моделирует в соответствии с особенностями функционирования национального сознания конкретного языкового коллектива, ментальности носителей языка и соответствующего языкового сознания. Здесь будет уместно напомнить, что «ментальность – это способы восприятия, способы думать и чувствовать, доминирующие в определенную историческую эпоху. Это реально действующие, но преимущественно неосознаваемые социально-психологические установки. /.../ Коллективная ментальность включает в себя совокупность определенных идей в неосознанном или неполностью осознанном виде» [151, 2]. В связи с этим не является случайным тот факт, что отношение к телесности варьируется как в различных этнокультурах, так и во времени, выдвигая периодически новые идеалы телесности в качестве социально поощряемых эталонов человеческого тела. Наконец, еще одна немаловажная деталь, национально-обусловленные идеалы телесности в силу их слабой осознаваемости, отрефлексированности в той или иной культуре являются ментальными (когнитивными) конструктами. Они не столько воспитываются, сколько наследуются членами общества, подчиняясь закономерностям *социального наследования* (Л. С. Выготский), психологического заражения и подражания.

Как видим, уже первое приближение к проблеме телесности человека вводит в круг междисциплинарных исследований. Психо-лингво-семиотический и лингвокультурологический ракурс рассмотрения этой проблемы предложен в настоящей работе.

Первой, по нашим данным, монографией, посвященной проблематике телесности человека в фокусе вербальных (языковых) и невербальных

(неязыковых) семиотических средств речевого общения, стала книга А. А. Романова и Ю. А. Сорокина «Соматикон: Аспекты невербальной семиотики» (2004). Она посвящена тому, как отражается в нашей психике (душе), – а психология, напомним, изначально понималась как наука о душе, – целостное пространство телесности человека (его соматикон) и какую знаковую роль оно играет в условиях коммуникации [111].

Осознание тела человека (телесности) в качестве объекта лингвистического описания было подготовлено исследованиями в области *невербальной семиотики* [66]. В подтверждение сказанного ранее, *невербальная семиотика* является междисциплинарной научной дисциплиной. Она возникла на границах и перекрестках разных научных областей знаний со своими языками и традициями научных описаний, собственными исследовательскими методами и приемами. Среди последних отметим лингвистику, этнолингвистику, биологию, психологию, этнографию, семиотику, когнитологию, соматологию, социологию, этологию, антропологию. Выдвинутый в этих науках ряд идей и концепций заложил методологическую основу предложенного А. А. Романовым и Ю. А. Сорокиным подхода, который они называют *лингво-психо-социо-семиотическим*.

В рамках их исследования частично представлены некоторые аспекты невербальной семиотики: такие, как *окулесика* (получившая научный статус дисциплина о так называемом *языке* глаз и визуальном (или зрительном) поведении людей во время общения), входящая в научный обиход *физиогномика*, *проксемика* (наука об организации пространственной, в том числе и коммуникативной, среды), так называемая *орнотулистика* (от лат. *ornātus, orno*), термин А. А. Романова, название дисциплины, изучающей невербальные знаки социального статуса коммуникантов, например, такие, как украшения, аксессуары, визитные карточки и даже прически.

В рамках указанного подхода авторы монографии представляют интегральное описание основных подсистем телесного пространства, включая сюда вариативные характеристики тела (рост, вес, телосложение), а также цвет, стиль одежды и многие другие знаковые средства, раскрывающие и дополняющие, по их мнению, «семантические, прагматические и синтаксические соотношения между вербальными знаковыми единицами и невербальными, по преимуществу, визуальными знаками в их совместном (комплексном) функционировании» [111].

В последующем эти представления о семиотическом пространстве телесности человека уточняются и получают своё дальнейшее развитие в монографии этих же авторов уже под названием «Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела». В ней вводятся понятия так называемой *первичной соматологической карты*, понимаемой в качестве корпоральной (телесноориентированной), базисной сущности человека в социальном контексте, и *вторичной соматологической карты*. Последняя связана с телом «как «инструментом» опознавания, «оформления» в виде разнообразных форм его «упаковки» (одежды, цвета, причёски, украшений и т.п.) и оценки внеположенного Я как своего подобия, т.е. с таким инструментом, который обеспечивает первичное познание» [113].

По мнению авторов, «в психическом континууме личностного Я отражается целостное пространство телесности человека, вся его корпоральность»; «Я-концепция личности является сосредоточением между бытием и сознанием, между которыми существуют рекуррентные отношения, проявляющиеся в том, что Я и бытийствует в мире, и пытается осознать характер своего присутствия в нем, осознанно или неосознанно рассматривая себя телесно и духовно как мерило самого себя и других, как мерило фактов, поступков (в том числе и форм поведения), дел и действий» [113]. Другими словами, представления человека о

собственном теле, семиотический образ его телесного Я, опосредует его отношения с внешним миром, с телом *Чужого*, или *Своего*, но иного Я. При этом оно выступает в качестве своего рода эталона, эталонного образа, с учетом которого получает свою оценку *пространство телесности* Другого. Под *пространством телесности* при этом понимается вся совокупность поступков, действий и форм поведения. В этом смысле телесность человека, своего рода *проживание* собственного тела, представляет собой первичную психическую реальность, тогда как её воплощение в языковой или иной знаковой форме является уже вторичной психической реальностью и опосредовано свойствами семиотического кода, т.е. вербальными средствами. Можно сказать, что первичная телесность объективируется в языковом коде, однако, насколько мы можем об этом судить, не исчерпывается им полностью, сохраняя постоянство неустойчивого равновесия между ощущениями и чувствами, с одной стороны, и возможностью их адекватного представления в вербальной форме – с другой. В этом смысле картирование телесности, соматографирование, выступает в качестве *инобытия* корпоральности (в понимании Е. А. Залевской, *реальности тела*).

Наконец, телесность проявляет себя в качестве базовой составляющей, в качестве имманентного свойства коммуникатора в виде определённых форм, стилей вербального и невербального поведения, одежды и т.п., будучи семиотически представленной в виде непрерывно текущего телесного дискурса, в терминологии А. А. Романова, *топоном*, в терминологии Ю. А. Сорокина, *квадратов* [113].

Очевидно, что вся совокупность телесно опосредованных форм вербального и невербального поведения конкретной национально-языковой личности, понимаемой как обобщенный образ языковой общности, и является этносом, реализующим себя в пространстве оппозиций *свой – чужой* [130]. Будучи

нацеленным на сохранение указанных оппозиций, этнос создаёт, сохраняет и дифференцирует таким образом опоры собственной самоидентификации. Как указывает Ю. А. Сорокин, к таким опорам относится и *соматологическая карта* – карта человеческого тела, прочтение которой обусловлено тем, чьей – своей или чужой – она является. Причем образ собственной и *своей* карты тела формируется на самых ранних этапах развития (онтогенеза) индивида, что выводит характер её манифестации на дорефлексивные или слаборефлексивные уровни сознания. Можно утверждать, что соматологическая карта как знак определенным образом воспринимаемой и *своей*, и *чужой* телесности является точкой отсчета в процессе межличностного общения, предполагающего некоторую когнитивно-аксиологическую (ценностную) преднастройку коммуникантов друг на друга.

«Чтение соматологической/сомастической карты – это не что иное, – пишет Ю. А. Сорокин, – как свидетельство специфического внимания и определенной аранжировки входящих в хомотоп индивидов/личностей как некоторых аксиологических единиц, принимаемых, полупринимаемых или отторгаемых в зависимости от сходств и различий в образах “свой” и “чужой” соматологической/сомастической карты» [127].

Еще одно важное уточнение, которое делает Ю. А. Сорокин, связано с определением соматологической карты в качестве разновидности *когнитивной карты* или *ориентировочной схемы*. Под схемой им понимается та часть восприятия (*перцептивного цикла*), которая является внутренней преднастройкой воспринимающего, имеет функцию предвосхищения, подготавливая индивида к принятию информации не любого, а строго определенного вида. В перцептивном цикле субъектом восприятия конструируется не отвлеченный умственный образ чего-либо, а происходит поиск уже ранее заготовленной и отраженной в предшествующем опыте информации, что и является актом её *предвосхищения*

или *опережающего отражения* (*анперцепции*, по Б. Ф. Ломову). В ориентировочной (поисковой) активности пропуская через себя поток оптической информации и отфильтровывая его на неосознаваемом уровне, что увеличивает многократно скорость обработки получаемых из внешней среды сигналов, воспринимающий отбирает путем сличения с эталонным образцом, хранящимся в его памяти, вновь поступающие впечатления. Его исследовательская активность также направляется теми же предвосхищающими схемами, представляющими собой своего рода планы перцептивных действий [44, 176]. В этом смысле предмет поиска заранее предопределен хранящейся в подсознании схемой поискового поведения, получившей в предшествующем опыте индивида положительное подкрепление. На повторение этого успешного опыта, на подкрепление положительного результата поиска и направлена ориентировочная активность субъекта, связанная в данном случае с телесной компонентой распознавания. Таким образом, под соматологической картой следует понимать способ организации (форму) и предметный состав ориентировочной активности человека в диапазоне *свой – чужой*.

Каждая соматологическая карта существует в двух формах: *эндорефлексивной* и *экзорефлексивной*. Эндорефлексивную соматологическую карту Ю. А. Сорокин предлагает рассматривать в качестве такой ориентировочной (перцептивной) схемы, для которой характерна «слабая сила предвосхищения (это эталонная карта-дейксис, указывающая на своих как на нечто идентичное моему телу/образу моего тела)», а экзорефлексивную соматологическую карту – в качестве такой, для которой характерна большая сила предвосхищения, обусловленная несовпадением между *своим* и *чужим* телесным эталоном (восприятия и оценки). Эта сила предвосхищения является неизбежным следствием заложенной, по мнению Ю. А. Сорокина, в каждой этнической

соматологической карте *антитолерантности*, что и позволяет ей сохранять свою стабильность и эффективность [130].

В последующих главах будут сопоставляться две соматологические карты, принадлежащие различным лингвокультурам, китайской (Тайвань) и русской. Сопоставление должно позволить увидеть своего рода фокусировку конкретной национально-языковой личности, русской или китайской, на тех или иных атрибутивных признаках, которые и могут, как мы понимаем, в терминологии Ю. А. Сорокина, моделировать, и тем самым предвосхищать, особенности межкультурного восприятия людьми друг друга. С другой стороны, сопоставление неизбежно покажет и так называемые универсальные компоненты отражения телесности в национально-языковом сознании и, соответственно, языке.

Большой интерес представляет и феномен *вторичной соматологической* (квазисоматологической) *карты*, а именно одежды (А. А. Романов сюда включают и различные аксессуары, и украшения), варьирующейся в её гендерных, возрастных характеристиках, этнокультурном своеобразии, а также социальных (статусных) функциях от “высокого” до “низкого” стиля. Описание вторичной соматологической карты не входит непосредственно в задачи нашего исследования, но, как мы полагаем, может существенно дополнить, а в каком-то смысле иллюстрировать и даже украсить, складывающееся в работе представление о телесном пространстве человека. Кроме того, отношения между двумя картами человеческой телесности носят гомологичный и дополнительный, но не взаимоисключающий характер. Вопрос о соотношении и взаимодействии этих карт, о том, является ли вторичная карта некоторой копией или антагонистом первичной, о том, что *прикрывает* и что *открывает* квазителесный покров в пространстве тела человека, как, вероятно, и многие другие являются, на наш взгляд, для невербальной семиотики интересными и перспективными.

Вторичная соматологическая карта представляет собой, по нашему мнению, *набор соответствующих перцептов ориентировки личности в социальном пространстве, предопределяющих фокус видения, ценностные (аксиологические) свойства, особенности интерперсональной оценки* [130].

Обе соматологические карты принимают непосредственное участие в процессе самоосознавания и оценки *себя*, а вместе с тем и *другого*. *Свой* выступает как бы точкой отсчета, эталоном, по отношению к которому в результате познавательно-ориентировочных усилий кристаллизуется образ *чужого*.

Этот ориентировочный процесс подчиняется запретам и разрешениям этнокультурального характера. Он поощряет ориентацию на свой телесный эталон и отвергает или *отторгает* другие телесные образцы, свидетельствуя о специфической фокусировке телесного бытия, присущей той или иной лингвокультурной общности [131].

Сказанное имеет отношение к обеим познавательным картам. Но между ними имеются и существенные различия. Они связаны с тем, что *первичная соматологическая карта* выступает средством ориентировки в пространстве первичной же, или базисной, телесности человека, маркируя это пространство в категориях мускулинности/ феминности, аттрактивности/ неаттрактивности, фенотипических, генотипических, антропометрических данных и т.п. *Вторичная соматологическая карта* является средством ориентировки, соответственно, в пространстве уже вторичной, социальной и социально-символьной, телесности человека. Причем она может либо акцентировать, либо, наоборот, сглаживать, микшировать и даже модифицировать и видоизменять признаки телесности первичной в угоду бытующим социальным стереотипам межличностного восприятия и оценки. Квазитело (одежда), *телесность-2* может усилить или ослабить мускулинные или феминные признаки, манипулируя линией плеча или

талии, может сделать силуэт более полным или узким, наконец, можно увеличить или зрительно уменьшить рост, имеется, вероятно, много различных ухищрений, при помощи которых создается искомый образ, конструируется социально значимый имидж человека. Однако становится ясным, что вторичная соматологическая карта при её богатейшем арсенале средств и способов *конструирования* телесности-2 ориентирована всё же на *конституирующую* телесность-1, привязана к базисной карте-схеме тела человека. Изменяя, подгоняя, корректируя, зрительно увеличивая или расширяя одно и уменьшая или зауживая другое, телесность-2 существует и реализует идеальные устремления человека, его *устремления к прекрасному*, опираясь на облачённую в ней телесность-1. Тот или иной элемент одежды, оценивается, как правило, не сам по себе, а по его эффекту преобразования первичной телесности. Это находит своё отражение и в словесных оценках, когда рукотворный образ *человек одетый* (вторичная соматологическая карта) оценивается в терминологии его первичной, базисной, заданной телесности: *широкоплечий, полный, толстый, тонкий, худой, высокий, стройный* и т.п.

Социально-символическая функция телесности-2 находит своё отражение, и подтверждение, в художественной литературе. Здесь она выступает в качестве *дейксисов* или *семиотических операторов* (термины Ю. А. Сорокина): «Наблюдатель фиксирует ту или иную значимую для него информацию: одежда несет информацию о роде занятий человека, его социальном происхождении, особенностях личности, вкусах, настроении, а также сигнализирует окружающим о материальном благополучии ее владельца. < ... > Цена одежды всегда связывается с материальными возможностями ее обладателя и является своеобразной визитной карточкой человека, фиксирующей, в большинстве случаев, его социально-экономическое положение» [189].

Вторичная соматологическая карта не менее, а возможно даже более, уникальна, этнически и культурно своеобразна, нежели первичная. Вот как, например, Кнут Гамсун характеризует американцев: «Дама вся в шелку, у нее самый национальный костюм; вкус ее выражается в подборе самых несоответственных и отчаянных красок: на том же лифе черные, синие, белые и красные пуговицы; огненно-золотистый шарф на одном боку, развевающиеся желтые ленты, банты на самых неподходящих местах: – американки одеваются ослепительно; сам Соломон не одевался с таким великолепием!.. /.../ Янки покупает себе шляпу за 10-15 долларов, а сам преспокойно носит при этом пару брюк, на которых не хватает пуговиц там, где у брюк не должно не хватать пуговиц. /.../ В жаркое время года и не ждите увидеть сюртук или жилет на истинном янки; он безо_всякого стеснения разгуливает себе по улицам со своею дамою и без этих принадлежностей туалета. /.../ В Америке человек расхаживает себе по всему партеру в театре, не снимая шляпы; он избавляет себя от излишней вежливости в отношении других. Только найдя место, сняв пальто и подложив его под себя, снимает он шляпу. В "Варьете" и "Опера Comique" он вовсе не снимает шляпы, но зато снимает сюртук, а в жаркое время года и жилет. Когда один янки входит в квартиру другого янки, ему нечего стесняться, оставаясь в шляпе; в этой стране принято и даже считается шиком поступать так, как самому хочется» [цит. по: 131].

В свою очередь, корейский женский стиль предписывает, что «при любом повороте моды это будет обтягивающая одежда. /.../ Корейская одежда будет не подчеркивать, а стягивать грудь и плечи, формировать даже у взрослой женщины стесненные девичьи движения. /.../ Платья чуть расклешенные и с завышенной линией талии. На кореянках эти платья смотрятся великолепно – в самый раз для тоненьких хрупких фигурок с не очень длинными ногами. Корейская девушка в

таком платье выглядит милой и чуть наивной... Даже у молодых женщин приверженность к коричневому, серому, черному цветам, а также неброской пастели. Цвета эти прекрасно подходят к восточным лицам, подчеркивая их четкие, яркие линии. /.../ Стиль, который моя мама называла "из-под пятницы суббота". То есть надевается не одна добротная вещь, а множество всяких узеньких блузочек, жилеточек и пиджачков одновременно, одна деталь на другой, так что едва шевелятся руки. Вид опять же стянутый и опять же трогательный. Пренебрежение естественными материалами в угоду поблескивающей и поскрипывающей синтетике. Обувь. При любом повороте мировой моды – максимально неудобная. Если платформа, то чудовищных размеров, если узкие носки, то туфля будет напоминать воронку... Результат – шаркающая походка корейнок с тяжелым приволакиванием ног в стиле "утомленное солнце". Обязательное наличие бижутерии, ювелирных изделий и всяческих заколок для волос даже при стрижке ежиком. Много мелких украшений» [29, 190 – 191].

Вторичная соматологическая карта указывает на статус, престиж, имущественное или социальное положение и даже на место рождения (малую родину). Так, в соответствии с французской традицией, костюм бретонца указывал на деревню его владельца, а вовсе не на национальную принадлежность. Берет, например, до 1923 года не был характерен для французов, его носили баски, главным образом в Пиринеях. Еще о французах: «Благодаря Парижу крестьянские кофты и русские сапоги, английский твид, шотландские килты, японские юбки с разрезом, китайские куртки и комбинезоны американских астронавтов стали всеобщим достоянием. /.../ Мини-юбка – это признак благосостояния и успеха, ногти, выкрашенные черным лаком, – символ полного отчаяния, всклокоченные волосы предвещают конец политического режима. /.../ В принципе половина женщин (а в высших слоях больше) считает, что имеет право пользоваться

косметикой, чтобы скрыть свой возраст. /.../ На работу он ходит в дорогих английских костюмах, купленных у "Барнса" на авеню Виктора Гюго (в его семье все английское всегда считалось шикарным)... На работе, подчеркивает он, важно выглядеть респектабельно – не строго, как банкир, но и не слишком броско. Вельветовый костюм, например, может вызвать сомнение, а этого-то и следует избегать при всех обстоятельствах. Его жена считает, что было бы ошибкой одеваться чересчур модно: она одевает своих детей "в классическом английском стиле". Правда, она согласна с тем, что некоторые ее туалеты отдают снобизмом...» [цит. по: 131].

Принимая во внимание то, что *и первичная, и вторичная телесность в той же мере автономны, в какой взаимозависимы* (Ю. А. Сорокин), всё же добавим, что так называемая первичная телесность в большей мере носит заданный характер. Она значительно труднее поддается коррекции, моделированию. Напротив, квазитело (одежда) в стремлении человека *сделать себя* породило в современном мире индустрию моды, охватившей все континенты. Продукция Высокой моды даже выступает нередко в качестве своего рода *антитезиса* по отношению к человеческой телесности. *Антитезиса* в том смысле, что первичная телесность пусть и невольно, но подчиняется логике индивидуальности, обладая своей уникальной природой и неповторимостью индивидуального стиля. Тогда как логика телесности-2 не выходит за рамки диапазона социальной функции обмена, т.е. рыночного спроса *на красоту* и её соответствующего, *с конвейера*, предложения. Создатели Высокой моды, стремящиеся к самовыражению, по словам Ж. Бодрийяра, не подозревают, что в них говорит *субкультура*, ставшая *общим местом, каталогом, рыночной риторикой, фантазированием второго плана, собственно аллегорией* [см.: 131].

В этом вечном *диалоге двух тел* сталкиваются логики биологического и социального, индивидуального и общественного, бессознательного и осознаваемого, неповторимого и растиражированного. И, как видим, первая и *первичная* логика оказывается порой слабее второй и эволюционно крайней.

